

Вырезка из газеты

ЧЕЛЯБИНСКИЙ  
РАБОЧИЙ

г. Челябинск

№ 7 ФЕВ 1982

# 2207 Вся жизнь поэта

Моноспектакль, авторы которого — актриса Челябинской филармонии Майя Дробинина и редактор областного радио Александр Шепелев, в предельно сжатой форме знакомят нас не столько с поэтом Александром Блоком — певцом революции и автором поэмы «Двенадцать» (хотя без этого немиссимо было бы обойтись), сколько с его жизнью, подвигом самовоспитания и борьбы за постижение красоты. Уместны при этом использованные в спектакле лаконичные выдержки из писем матери поэта, из воспоминаний женщин, бывших для Блока источником вдохновения.

Гордо представляется возможность взглянуть с этой стороны на творческую биографию поэта, потому что, избегая мольвы, он терпеливо и мужественно строил свою литературную галактику, зачатую зашифровывая в символы события, имена, муки одиночества.

Жагда жизни, постижение ее скрытых глубин в предчувствии потрясений Родины—все это становится лейтмотивом сценической композиции, увлекая нас в сопричастности бо-

лям и тревогам великого человека.

Бережно передает Майя Дробинина каждую фразу из прозаических отрывков (писем, дневников, газетных и журнальных публикаций). А затем звучат, вплетаясь в прозу, романтически возвышенные, берущие разбег от бытового факта, гениальные певучие строки поэта. Маленькая фраза матери о сне, в котором «все бесполойно было впереди», вырастает в знаменитый отрывок «Куликово поле», а легкая кокетливость воспоминаний жены прорывается алмазной чистотой юношеских любовных стихов.

Актриса дарит нам волшебство преображения действительности под взглядом поэта, и делается это не только словом. Скромные детали (лорнет, материнская шаль, элегантная шляпка со страусовым пером) сразу помогают нам дорисовать облик той женщины, голос которой начинает звучать на сцене, и тем более удивляешься преображению в стихе гения той наивной, простенькой житейской прозы, что вызвала эти перлы вдохновения.

Блок всегда стремился к высокому. Его восприятие революции как карающего и очищающего огня было чуждо обывателям, сытость которых он гордо презирал. Но спектакль учит и другому: человечность всегда требует сострадания. Вне сострадания нельзя понять в «Двенадцати» ни Петрухи, застрелившего с горя Катюку в саян, «с эстетическим фонариком», ни духа «революционного шага», мгновенно ставшего гимном на устах всех страдавших... И короткие гневные фразы Блока о заключенных в Петропавловку сановниках царизма — тоже отзвук той народной боли о пережитом.

Актриса выбрала из колоссального материала о Блоке лишь краткие фрагменты, хорошо понимая, сколь много и подробно знает современный читатель о мотивах и содержании высших достижений поэта. Она сосредоточила наш взгляд на глубинной, потаенной стороне его жизни, и тем дорожке становится нам каждый выстрадавший им стих, осознаннее наша любовь к поэту.

Спектакль горячо встречают

любители поэзии. Поэтому, мне кажется, стоит продолжить работу по его совершенствованию.

Излишне торопливое, иногда без возможности остановиться, замереть на паузе перед рождением образа чтение делает некоторые места невнятными для восприятия (таков, например, диалог Голубого и Незнакомки). Приземленно выстроена режиссура ключевого стиха «Река раскинулась...», финал которого сам по себе — контрапункт композиции и не требует иллюстрации музыкой. Вообще, музыка в спектакле несколько «деревянна», ей не хватает элегичности и символизма, того, чем дышит поэзия Блока.

Иногда кажется, что не хватает в спектакле и самого Блока, его символической детали. Есть детали женские, а блоковской — нет. Известно, что Блок был элегантен, носил шляпы, розетки, дарил цветы — почему бы хоть чем-то не обозначить присутствие его облика на сцене?

Жанр моноспектакля, когда очень распространены на эстраде, ныне почти забыт. И прекрасно, что наша филармония успешно воскрешает этот вид сценического искусства, дарующего редчайшую роскошь — роскошь человеческого общения.

К. ШИШОВ.